

ЮМОР И АНАЛИЗ

Считается, что юмор, как и моральное знание, представляет серьезную проблему для такой науки, как наука об искусственном интеллекте. Точнее, противники «искусственного интеллекта» утверждают, что построить математическую теорию юмора нам никогда не удастся. В качестве основы для таких заявлений предлагают следующие наблюдения.

Шутку нельзя объяснить. Предположим, что кто-то не понимает, почему другие смеются. Попытка сделать юмор эксплицитным через объяснение поможет лишь объяснить такому человеку, почему люди смеются над этим, но не заставит его засмеяться. Представим себе личность, совершенно невосприимчивую к юмору (ситуация, я думаю, не так уж и искусственна!). Предположим, что такой личности объяснили психологию юмора, и она может предсказывать все возможные ситуации, в которых люди смеются. Будет ли ей смешно? То есть, будет ли такой человек находиться в таком ментальном состоянии, в котором находимся мы, когда смеемся? Причем, здесь подразумевается, что то, что такая личность может действительно смеяться или имитировать смех, совершенно нерелевантно. Смех, конечно же, не является ни необходимым, ни достаточным условием юмора. Нервный смех, истерический смех, щекотка, смех «экспромтом» – этот список можно продолжать – вряд ли связаны с юмором. Вопрос заключается в том, будет ли такой человек испытывать то внутреннее состояние удовольствия от остроумной выходки, которое обычно испытывают люди. Интуитивно мы склонны скорее считать, что нет, не будет.

Другое важное возражение заключается в утверждении того, что юмор контекстуален. И поэтому его нельзя формализовать. Формалист же полагает, что шутка имеет форму, и все, что нам нужно будет делать, если будем знать эту форму, для того чтобы генерировать новые шутки, это подставлять значения на места переменных, совершенно не заботясь о содержании.

На мой взгляд, первое возражение указывает на проблему, которая попадает под такие общие проблемы философии сознания как репрезентация или атрибуция верований. В этой работе меня интересуют, прежде всего, проблемы, связанные с контекстуальной зависимостью остроумных высказываний. Однако хотелось бы сделать некоторые общие замечания методологического характера. Например, в первом аргументе очевидна аналогия с моральным знанием. В возможности построить логику норм в свое время сильно сомневались. Могут ли иметь моральные принципы истинностные значения? Существуют ли между моральными нормами отношения следования? Предполагается, что логику интересуют отношения следования, совместимость или несовместимость каких-то вещей, которые изучаются. И все же мы сейчас имеем такую развитую логическую теорию как деонтическая логика. Кроме того, стоит заметить, что часты мнения о том, что нечто остроумное понимают как знание: у нас есть свидетельства и мы обоснованы в том, что считаем их забавными или веселыми. Поэтому возможно, что в анализе остроумных высказываний могут быть получены определенные теоретические результаты, применимые в эпистемологии, философии сознания, практической философии.

Зависимость от контекста лингвистических выражений естественного языка доставляет много хлопот логикам, многие даже высказывают сомнения в самой возможности построения математически точной теории прагматики, такой точной, как синтаксические или семантические теории. Роберт Сталнакер в работе «Indicative Conditionals» (1) предложил прагматическую теорию, которая является примером того, как можно инкорпорировать в абстрактную теорию контекстуальную зависимость. Сталнакер дал абстрактное определение понятия, которое я хотела бы здесь применить, – это понятие резонного вывода (*reasonable inference*), которое было предложено Сталнакером, для

объяснения парадоксальных ситуаций, возникающих с условными высказываниями. Я, разумеется, не предполагаю, что такая стратегия поможет нам пролить свет на природу юмора, или что-то в духе того, что мы сможем после этого решить какие-то важные философские вопросы, касающиеся юмора. Моя основная идея заключается в том, что, используя результаты абстрактного анализа, можно показать, почему нечто может быть остроумным.

Существует известный аргумент фаталиста. Курильщик-фаталист заявляет «Если мне суждено умереть от рака легких, то если даже я и брошу курить, все равно я умру от рака легких. Зачем тогда бросать?» Такой аргумент вызывает у нас улыбку. Интуитивно мы понимаем, что что-то здесь не то, и все же аргумент выглядит убедительным. С логической точки зрения мы должны показать, почему такой аргумент, который, по-видимому, должен быть примером непроблематичной валидной формы – конструктивной дилеммы – не валиден, поскольку он не валиден на интуитивном уровне. Валидный аргумент – это такой аргумент, в котором, если приняты посылки, нельзя не принять заключение, которое следует из посылок. Такого общего определения валидности достаточно для целей этой работы. Задача заключается в том, чтобы объяснить, почему выводы, хотя и невалидные, иногда выглядят настолько убедительными, как в случае с фаталистом. Для этого Сталнакер вводит понятие резонного вывода. Резонный вывод – это прагматическое отношение между речевыми актами. Вывод из последовательности утверждений или предположений (посылок) к утверждению или гипотетическому утверждению (заключению) является резонным только в том случае, если в каждом контексте, в котором посылки можно уместно утверждать, невозможно было бы принять посылки, не обязывая себя принять заключение. Такой вывод отличается от следования тем, что при отношении следования от посылок к заключению транслируется истина пропозиций. В рамках этой работы нет возможности рассмотреть аппарат, который Сталнакер разрабатывает для построения прагматической теории. Укажу лишь на то, что для более полного использования результатов прагматической теории потребовалось бы детальное рассмотрение концепции возможных миров, семантической теории условных высказываний, прагматических ограничений для условных и понятия уместности. Понятие уместности – это обобщение следующего вида: уместно делать индикативные условные высказывания только в контекстах, совместимых с антецедентом.

Для абстрактной репрезентации аргумента фаталиста обозначим D как «Я умру», P как «Я предприму меры предосторожности» (т.е. «брошу курить»), Q как «меры предосторожности неэффективны», R значит «меры предосторожности не нужны». Аргумент тогда выглядит так:

1. D или не-D
2. D
3. Если P, D
4. Q
5. не-D
6. Если не-P, не-D
7. R
8. Q или R

В соответствии с семантическим и прагматическим анализом Сталнакера существует смысл условного высказывания, в соответствии с которым вывод от 2 к 3 – это резонный вывод и который достаточно силен для того, чтобы обосновать вывод от 3 к 4. Нет ошибки ни в одном из шагов. Каждый из суб-аргументов – резонный вывод. В таком аргументе фаталиста каждый из суб-аргументов резонный, но не валидный, и потому весь аргумент не валидный. Наиболее существенно то, что, используя идеи Сталнакера, можно показать, в

чем сила такого аргумента. То есть, в том случае, когда мы отрицаем валидность такого типа аргументов, нужно показать, или объяснить, почему такие невалидные аргументы могут быть так убедительны, как они иногда кажутся. В отношении юмора можно сформулировать сходную задачу. Здесь я сделаю замечание, которое является ключевым для данной статьи, и суть которого заключается в том, что очень часто эффект юмора основан на том, что в шутках отдельные составляющие выглядят очень разумными. И возможно, именно в этом и заключается секрет «хорошего» или «тонкого» юмора. Хотя последнее лишь предположение, к тому же оценочно окрашено, и мне бы не хотелось делать такое сильное заявление серьезно. Прагматическая теория Сталнакера показывает, как факт утверждения высказывания задает контекст, в котором это высказывание уместно, и как факт утверждения высказывания меняет контекст в качестве предпосылки для продолжения разговора. Если затем происходит смена контекста, то есть последующие утверждения, которые делаются, не соответствуют нашим ожиданиям, то может возникнуть остроумная ситуация. В общем-то, кажется, что ничего субстанционального такая теория не дает, однако она объясняет, почему составляющие в шутке выглядят вполне разумными, и почему из вполне разумных ситуаций мы можем прийти к смешной или нелепой ситуации. Поскольку значение выражения является еще и функцией от контекста, то семантическая теория, дополненная так построенной прагматикой, показывает, на каком принципе в наших рассуждениях основывается возможность юмора.

Хорошо известно, что теория остроумия, предложенная Фрейдом, объясняет, как с помощью юмора можно обойти «ментальных цензоров», которые не позволяют нам думать о «запретном». Эта теория, однако, не может объяснить остроты-бессмыслицы, что заметил уже сам Фрейд. Как пример такого вида острот приводит такую шутку. Человек зашел в кондитерскую и попросил дать ему пирожное. Однако тут же вернул его обратно и попросил взамен рюмку ликера. Выпил ликер и направился к выходу. Далее диалог: «Вы не заплатили за ликер». – «Но я же отдал за него пирожное». - «Но вы не заплатили и за пирожное». - «Но я же его и не ел».

Такого вида шутки являются логически абсурдными. Но они, естественно, не являются ни логическими парадоксами, ни полной бессмыслицей. Более того, многие из нас склонны считать их примером остроумия. Но если мы посмотрим на эту шутку с позиций прагматической теории Сталнакера, то мы увидим, что здесь делаются утверждения, которые, исходя из его прагматической теории, связаны контекстуальными ограничениями - уместностью утверждения. Предположим, что человек не ел пирожное и не заплатил за него. Фраза «Я же его и не ел» отсылает нас к чему-то вроде «Если мы что-то съели в баре, значит, мы должны за это заплатить», по схеме контрапозиции имеем «Если мы ничего не ели, значит, мы не должны платить», как частный случай последнего имеем «Если мы это не ели, то нам не нужно за это и платить». Фраза «Я же его не ел» задает нам контекст, где отказ платить за пирожное выглядит как обоснованный вывод. А теперь предположим, что человек просто бы решил отдать пирожное за рюмку ликера. Выглядит как-то уж совсем не так смешно. Дело в том, что когда человек говорит «Я же его и не ел» он отсылает нас к контексту, в котором такое утверждение было бы вполне обоснованным, несовместимость такого контекста с тем, в котором реально делается утверждение и производит эффект шутки.

Приведу другой пример: «Если черный это цвет и если белый это цвет, тогда черно-белый телевизор это цветной телевизор». Можно сказать, что такая шутка основана на семантической двусмысленности. Однако есть смысл условного высказывания, при котором вывод о том, что если нечто имеет черный или белый цвет, то является цветным, совершенно обоснованный вывод. Очень часто в шутке уже в antecedенте заложен контекст, за пределами которого утверждение условного высказывания приводит к той нелепости, которая и вызывает наше веселье. Пример с телевизором такого рода. И

понятие уместности из теории Сталнакера объясняет, почему его нарушение в некоторых случаях может привести к остроумному эффекту.

Цель этой работы не в том, чтобы поставить вопрос о том, в чем именно природа шуток или что такое юмор. Едва ли можно дать определения юмора, под которое попадут все виды юмора. Минский, например, говоря об этой проблеме, приводит аналогию со знаменитым вопросом Витгенштейна о том, что такое «игра». Или вопрос о том, возможно ли указать достаточные и необходимые условия юмора? Едва ли это возможно. Или о том, можно ли «формализовать» юмор? Возможно, нам это и не нужно. Пожалуй, все исследователи, кто занимался проблемой юмора, отмечают фактор неожиданности как, по крайней мере, необходимое условие шутки. Проблема же порождения шутки попадет под общую проблему порождения понятия в искусственном интеллекте. Здесь я лишь привела пример того, как абстрактная теория, например, прагматическая теория Сталнакера может быть использована для того, чтобы обнаружить некоторые инвариантные структуры юмора.

Идея заключается в том, что строго сформулированная прагматическая теория показывает, как мы совершаем резонные, но не валидные выводы, которые и являются часто основой для юмора. То есть выводы, которые разумны в одних контекстах, в некоторых других контекстах приводят не к логическим парадоксам, а к ситуациям абсурдным или нелепым и смешным, потому что разумный вывод не адекватен контексту. Прагматическая теория показывает, на чем основана наше остроумие. Семантическая двусмысленность, которая присутствует в нашем языке, – это один аспект, но есть еще в нашей мыслительной деятельности способность совершать резонные, но невалидные выводы. Кроме того, такая прагматическая теория помогает выявить такую важную особенность юмора как разумность в уместных контекстах выводов, которые в некоторых других, неуместных контекстах выглядят остроумно или, взаимодействуя с совместимыми с такими контекстами элементами, создают то, что мы называем «хорошей шуткой». И выглядят они остроумно в этих контекстах, потому что в них они неуместны, но, когда такие утверждения делаются, самим фактом того, что они делаются, задается контекст, в котором они уместны, мы такой контекст предполагаем, мы такой контекст ожидаем. Но действительно контекст-то другой. В каком из несовместимых контекстов такой резонный вывод приведет к остроумному эффекту, то есть, как найти такой контекст, в котором неуместное утверждение приведет к остроумному эффекту? Об этом, конечно же, ни логическая, ни прагматическая теория нам не скажет много. Но такая теория дает нам точное определение того, что такое эта неожиданность, которую отмечают практически все теоретики как главную особенность юмора и пытаются объяснить с помощью таких самих по себе требующих объяснения понятий как «смещение» или «неконгруэнтность».

Кроме того, такой анализ, основанный на контекстуальных мирах и учитывающий прагматику, хорошо согласуется с известным фактом того, что разные люди находят различные вещи смешными. Не рискую делать оценочные суждения, приведу пример так называемого «профессионального юмора». Когда Рассел задает вопрос: «Нынешний король Франции лыс или не лыс?», нам уже смешно, и смешно потому, что фраза «нынешний» отсылает к контексту, в котором «король Франции существует» резонное утверждение. Но шутка Рассела: «Гегелеанец бы сказал, что он носит парик», выглядит особенно остроумной в контексте известного каждому философу гегелевского учения о «снятии». Однажды на мой вопрос о том, кто такой Александр Македонский, студентка ответила: «Александр Македонский это великий философ античности». Смешной ситуацию вряд ли назовешь, но когда она повторилась со студентом другого курса, я поняла, что весь юмор ситуации создается контекстом. Фраза из учебника «Аристотель - ученик Платона и учитель Александра Македонского» в конъюнкции, например, с типичными высказываниями из учебников «Платон – великий философ античности», «Сократ – великий философ античности», «Аристотель – великий философ античности»,

«Платон - ученик Сократа» делает вывод по аналогии «Александр Македонский - это великий философ античности» в контексте курса по философии на естественных факультетах очень даже «разумным».

1. Stalnaker, R., 'Indicative Conditionals', *Philosophia*, 5 (1975); 269-86.